

Связанное на небе на земле не развязать.

Anastasia N.

осень

сломанный мир на обочине стынет

никто не починит

никто не поправит оси.

М.Гронас

В тот вечер город предстал перед ним чем-то совершенно иным. Он не казался больше огромной несмолкающей свалкой машин, домов-коробок и груд металла. В тот вечер город впервые за всю его недолгую жизнь показался Крию чем-то не менее живым, чем он сам. Чем-то, что могло дышать, глядеть на него бесконечным количеством глаз и шептать. Шепот этот украдкой вплетался невидимыми нитями в одинокие порывы холодного ветра, путая волосы и лишь слегка касаясь слуха. В тот вечер у города билось сердце, так же гулко, как его собственное. Он чувствовал это во всем : в беспокойном трепете крыльев птиц, срывающихся с покатых крыш, в извилистых лентах-дорогах, которые начинались из ниоткуда и вели в никуда, в нескольких каплях осеннего дождя, упавших ему за ворот, в ветке-руке каждого горделивого дерева, глядящего на него сверху вниз и хранившего вековое молчание. Большой дуб стоял перед ним, держа могучими ветвями небосвод. Все прожитые им века, все услышанное и увиденное он хранил под своей крепкой корой, дорожа этим, как золотом.

- Деревья, деревья, узнают ли сердце мое в земле

Ваши суровые корни? *

Все приобрело вдруг значение, у всего появилась причина и смысл. Все казалось особенным, и чувствовалось во сто крат острее и глубже, будто

Крий вдруг мальчиком быть перестал, и превратился в один сплошной чувствительный нерв ростом в метр шестьдесят.

*Ф.Г.Лорка

Небо, казалось, опустилось совсем-совсем низко, и Крий вдруг представил, как он влезает на старую часовую башню – самое высокое место в городе, вытягивает руку и касается облаков-светлокрылов, что беззаботно плывут в бесконечном, глубоком, как океан, всезнающем небе. Он стоял, смотрел вверх, запрокинув смоляную голову, и думал о том, что кто-то сегодня взглянул на это же небо в первый раз, а кто-то – в последний.

Люди на протяжении стольких сотен лет смотрели, смотрят и будут смотреть в одно и то же небо. Они могут отличаться между собой, как вода и пламя, не имея абсолютно ничего общего, но небо над их головами всегда и везде будет одним и тем же.

Почувствовав боль в шее, он резко опустил голову, встретившись взглядом с младенцем у матери на руках. Он был в том возрасте, когда глаза у детей, словно у молочных незащитных котят, еще не обрели свой цвет, и были блекло, почти прозрачно-синими, будто в них жила часть того самого неба, откуда они пришли. Он подумал о чистоте и невинности существа перед собой. Вот, значит, люди какие в начале пути. Такие чистые и светлые, что даже первые нежные ландыши, взглянув на них, отвели бы в сторону свои зардевшие лепестки, смущаясь от такой чистоты.

«Ты еще не понимаешь, что сделает с тобой время. Что оно делает со всем вокруг. И не поймешь еще на протяжении многих лет. А когда поймешь наконец, будет уже слишком поздно.» Время. Иногда, глядя в зеркало, Крию казалось, что на мгновение он видит себя взрослого, и это мгновенное видение, словно самая пугающая из карикатур, еще долго не покидало его головы. Куда бы он не пошел, он всегда слышал тиканье часов, заключенных в его грудную клетку. Беспреданно, постоянно. Такие часы живут в каждом

человеке, просто кто-то их слышит лучше, кто-то хуже, а кто-то не слышит вовсе. Крий их слышал уж слишком хорошо. Он долго думал, как от них избавиться, пока не понял с ужасом, что их тиканье вторит биению его сердца. Они начали стучать, когда впервые забилося его сердце, и прекратить свое биение могли только тогда, когда оно остановится. В его начале был заключен его конец. Время разрушает лучшие из своих творений. Больше всего на свете ему хотелось вырваться из этого бесконечного круга, но он понял, что это невозможно. Только времени подчиняется время. От пламени только пламя спасет.*

Лишь сейчас он заметил, что оказался в той части города, где никогда раньше не был. Дома здесь стояли странные, вычурные, большинство из них украшали одинаковые крыши из темно-красной черепицы. На стенах домов рассыпались витиеватые узоры, плотные деревянные панели обрамляли высокие створчатые окна. Крию почудилось, что эта улица будто оторвана от остального города – такой она казалась необыкновенной. Фонари, которые уже начинали потихоньку загораться, здесь светили особенным тыквенно-медовым светом, который не имел ничего общего с тем острым блекло-белым светом привычных ему фонарей, давящий на глаза. Он не слышал ни звука – ни людей, ни машин. Пройдя еще немного вниз по усыпанной мелкими камушками дороге, его заостренного слуха коснулась нежная, едва-уловимая мелодия. Невольно следуя за звуком, он свернул в узкий переулок, расширяющийся в конце и открывающий его взору гладкий цирковой купол, который касался заостренным шпилем тоненьких опущенных веток ивовых деревьев. Разглядывая строение, он не сразу заметил сидящего у его подножия на узкой скамейке мальчика, который держал на коленях волшебную музыкальную шкатулку. Отвлечшись от созерцания своего сокровища, он посмотрел на него с улыбкой, и, без капли удивления, осторожно закрыл разрисованную деревянную крышку и поднялся.

- Привет, - сказал он. Его по-весеннему теплые зеленые глаза походили на двух блестящих майских жуков.

*М.Гронас

- Привет, - ответил Крий, - эта мелодия, откуда она? Я ее, кажется, уже слышал однажды.

Он был в этом совершенно уверен, музыка была ему знакома. Только вот вспомнить, откуда, не получалось совсем и вовсе.

- Я не знаю, - ответил он, пожав плечами, - я не помню, откуда она у меня. Говорят, она просто была со мной с самого детства. Мне нравится, как она звучит. Я всегда ее слушаю перед выступлением. Красиво, правда?

- Да.

Незнакомец слегка наклонил голову, смеривая его любопытным взглядом.

- Так ты к нам? – спросил он, кивнув в сторону цирка, тем самым взъерошив светлые волосы.

Крий проводил его взгляд и посмотрел на купол. Что-то в этом здании было неподдельно-особенным, что-то притягивало его, рождая желание заглянуть внутрь.

- Нет, - сказал он в итоге, - я, в общем-то, кажется, потерялся.

- Вот как? - звонкий голос-колокольчик на мгновение окрасился волнением. - А куда ты идешь?

Крий нахмурился.

- На самом деле, не знаю, - признался он, - наверное просто...Ищу что-то.

- Ну, если ты не знаешь, куда идешь, значит и потеряться не можешь, - снова весело заявил мальчик, - как знать, может быть это то, что ты искал!

Он осторожно поставил шкатулку на скамейку, и легким ветром двумя воздушными прыжками оказался рядом с Крием, протягивая тому руку.

- Меня зовут Фойдерабле, - представился он.

Крий осторожно ее пожал.

- Необычное имя, - заметил он.

- О, его мне здесь дали. Папаша Пьер, хозяин цирка. В переводе с его языка это означает «кленовый листочек» (франц. feuille d'érable). Он сказал, что это потому, что когда я выступаю, летаю под куполом, подобно осеннему листку. Он поэт, знаешь. Ты можешь звать меня просто Фой.

- Я – Крий.

Фой улыбнулся, развернулся на носках и жестом пригласил следовать за собой.

То, что происходило внутри цирка создало настолько ослепительно-яркий контраст тихой и спокойной улице, что Крий не сразу пришел в себя. Здесь подсвечники всевозможных форм горели озорными огоньками, подобно светлячкам у реки, по высокому круглому потолку перемигивались разными красками ослепительные софиты и мелкие огоньки-маргаритки. Красная арена, обрамленная золотом по бокам, как огромное горящее маково поле приковывала к себе взгляды сияющих глаз посетителей, с трепетом в сердцах ожидающих волшебных пыльно-звездных чудес, которыми должны были их осыпать артисты цирка. У них чудеса прятались в каждом рукаве каждой рубашки с разноцветными пуговицами, в сапогах, за воротом, и в пришитых кармашках.

Фой оказался не просто человеком. Он оказался честным и светлым осенне-древесным ребенком шотландских эльфов да фей, которые, кружась в зачарованном танце, пели волшебные песни на несуществующем языке в гуще густого темного леса. Ни в одном человеке Крий никогда не видел

столько настоящей, горячей жизни, сколько ее было в этом полу-человеке полу-звезде. У него были светлые листовенные волосы, падающие на глаза, россыпь какао-веснушек на щеках, и огромное, едва помещающееся внутри сердце-жар-птица. Все время Крия не покидало отчетливое чувство, будто он этого книжного человека уже однажды знал. Когда он сказал ему об этом, Фой только улыбнулся и пожал плечами. Он считал себя самым счастливым, потому что у него было целых два неба : одно то же, что и у всех, бездонное и бескрайнее, синее и глубокое, никем в полной мере не познанное, завораживающее, но далекое, а другое – близкое и понятное, изученное вдоль и поперек, нарисованное бледно-синей краской на внутренней стороне циркового купола. Первое, пусть и было прекрасным, порой невероятно пугало его, а второе – никогда. Он даже знал количество всех звезд, нарисованных осторожной ручкой хрупкой артистки Мэллоу – тридцать три. Ни больше, ни меньше. Раскачиваясь на своих крылатых качелях, и взмывая к самому верху, Фой каждый раз чувствовал себя так, будто и в самом деле летает, как птица, свободно касаясь тонкими пальцами хихикающих звезд. Фой познакомил Крия со своей цирковой семьей. Там был Большой Билл, веселый жонглер, который всегда широко улыбался и пах свежей выпечкой, были похожие на две одинаковые веточки березы, тонкие и хрупкие на первый взгляд, но на самом деле весьма сильные близняшки-танцовщицы Мэри и Тэри. Фой рассказал, что они всегда относились к нему, как к младшему брату, и всегда рассказывали сказки перед тем, как он засыпал. Сказки эти они всегда выдумывали сами, воображая продолжение на ходу, заканчивая фразы друг друга. Оттого они всегда были такими витиеватыми и отчаянно-странными, не похожими ни на что, что он когда-либо читал в разноцветных книжках мистера Гаррея – он был однажды библиотекарем, а теперь показывал фокусы. Он Фою не особенно нравился, уж был он какой-то шибко болезненный и мрачный, мутный, как разбавленное молоко. Однако у него в комнатке хранились книги, которые он не скупился Фою одалживать – поэтому странности его были терпимы. Был еще Уилло –

парень старше их с Крием, но еще не полностью взрослый – он глотал огонь. И это отчего-то было вовсе не удивительно, ибо сам он был похож на вечно горящий факел, со своими торчащими в разные стороны рыжими волосами и широкой улыбкой с белоснежными зубами, которые были настолько белыми, что, казалось, могли отражать от себя солнечный свет, словно зеркало, и пускать по стенам разноформенных солнечных зайчиков. Уилло был несколько неуклюж, и первые неудачные попытки подружиться с огнем привели к тому, что он сжег себе горло, и теперь остался нем. Фою было грустно, что он совсем не помнил голос Уилло, но последний вовсе не печалился. Он вообще показался Крию очень оптимистичным. От него будто всегда исходил свет, что бы он не делал. Уилло быстро выучил язык жестов, заодно обучив и Фоя. Никто другой языка не знал, поэтому, разговаривая с Уилло, Фой всегда ощущал щемящее грудь чувство причастности к чему-то тайному, что не всем дано понять.

Самым важным человеком, и, по совместительству хозяином цирка был папаша Пьер – крепкий усатый мужчина невысокого роста, седовласый и длиннородый, словно окутанный загадкой отшельник-звездочет в широких рукавах мантии которого прятались веселые звезды и пушистые, как котята, облака. Он был очень добрым и веселым, а еще, перед тем открыть свой собственный цирк, он долгое время колесил по миру в странствующих бродячих цирках, а потому в каждом его кармане, в выдвижных ящиках пыльного стола или на полках старого шкафа хранились истории, разноцветные, как калейдоскопические стеклышки. Эти истории Фой мог слушать часами, нет, днями напролет. Казалось, старик объездил если не весь мир, то добрую его часть, и представлял собой ничто иное нежели огромный сундук, доверху наполненный самым ценным сокровищем – памятью. Фоя он очень любил, и относился к нему, как к родному сыну.

Находясь среди всех этих людей, теплых, словно солнце, Крий впервые за очень долгое время почувствовал себя сердечно и по-настоящему дома.

Познакомив Крия со всеми, и все ему показав, Фой усадил его в зале, с искрами в глазах сообщив, что скоро объявят его номер. Он увидел, как Фой скрылся за кулисами, и, положив руки на мягкий бархат подлокотников кресла, перевел взгляд на арену.

Фой летал на крылатых небесных качелях к самой верхушке купола. Он без капельки страха в широко-открытых глазах отпускал руки и взмывал вверх, будто за спиной у него росли самые настоящие птичьи крылья. Крий мог видеть, как в свете софитов они раскрываются, переливаясь мириадами искорок-перьев. Он был вдохновлен, спокоен и невозмутим – он чувствовал свои крылья, он знал о них, и это выводило его за все границы, ломая и разбивая их с хрустом, словно плаксу-хрусталь. Это делало его невозможным, бесконечным, как звезды на небосклоне, до которых он отчаянно пытался дотянуться. Его светлые медовые волосы разлетались в разные стороны, словно молодые пшеничные колосья на поле под порывом ветра, и это придавало его виду что-то еще более эфемерное, неземное, ангельское. То, что видел Крий было невероятно, болезненно-прекрасно, однако помимо восхищения он чувствовал необъяснимую тревогу, сжимающую все внутри каждый раз, когда Фой взлетал, и возвращался с поразительной легкостью обратно на качели. Он взмывал вверх с удивительной простотой, а опускался плавно, и будто гораздо медленнее.

«И вправду, как листочек» - подумалось Крию, прежде чем Фой, совершив свой завершающий прыжок, опустился вновь на свои волшебные, обвитые цветочной лозой небывалые качели, и все сидящие в зале, зачарованные и позабывшие обо всем на свете, разразились громкими аплодисментами, что пронеслись по прежде замершему залу оглушительной серпантиново-блестящей волной.

*

Крий смотрел на идущего рядом в припрыжку Фоя, погруженный в свои мысли. Время в цирке пролетело незаметно, и, выйдя на улицу он с

удивлением заметил, что вечерние сумерки уже начали сгущать над городом свои чернослиловые краски. Вечер был странным, события были странные, идущий рядом друг – и того странней. В том, что Фой – друг, Крий не сомневался ни на секунду, несмотря на то что знакомы они были вроде как вовсе недавно. Фой – друг, и друг очень хороший. Он был уверен, что знает его целую вечность. Все было странно, но впервые, и, кажется, по-настоящему правильно.

- Сегодня я впервые за долгое место почувствовал себя хорошо, - сказал он, пиная носком ботинка мелкие камни, - будто к месту. Я очень рад, что принял твое приглашение. Мне порой кажется, что меня нет, и не было никогда. Будто все, что происходит со мной – не со мной, не мое вовсе. Будто нигде мне места нет, и все чувствуется не так, как надо.

Фой нахмурил светлые брови, а потом посмотрел на него как-то совсем по-новому, и улыбнулся печально:

- Я понимаю тебя. Ты особенный, я это всегда видел. Ты, знаешь, как принято говорить, «не от мира сего», вот он и пытается тебя из себя вытолкнуть. Ты как пчела, что попала в осиный улей. Улавливаешь?

«Я это всегда видел». Когда случилось это «всегда»? Крий кивнул.

- Ты тоже не похож ни на кого, кого я раньше встречал.

- Это точно! – весело согласился Фой, рассмеявшись.

Спустя какое-то время они оказались на тоненькой скамейке у самого берега небольшого озера. К вечеру ветер поднялся, разогнал облака, и сразу затих, будто только за этим и дул. Поэтому теперь бесконечно-далекие свинцовые звезды, искрящие мертвым светом, отражались в тихой глубоко-синей воде, словно в зеркале.

- Это так странно, - сказал Крий, глядя на холодный лунный шар, - Луна и Солнце. Все происходит под ними. Они смотрят на рождение и смерть людей

вот уже столько веков. Но никто никогда не видел рождение Луны, или Солнца, их начало, понимаешь? Об этом только пишут в книжках, но это все лишь догадки. Никто не видел их начало, и никто не увидит их конец. Говорят, людей к тому времени уже не будет.

- И ладно, - тихо ответил Фой, глядя не на саму луну, а на ее отражение в Криевых глазах, которые, казалось, были еще темнее вечерней озерной воды, - я бы не хотел это видеть.

После этого Крий показал Фою одно из своих любимых мест, куда он обычно приходил один – высокий холм, с которого было видно все огоньки города, живые и мерцающие. Крий сказал, что приходил сюда, когда ему казалось, что он совсем не может терпеть город. Когда всего казалось слишком много, и выносить это было трудно. Он приходил сюда, смотрел на него с такой стороны, и снова мог любить его, и дышать становилось легче.

- Ты прав, - тихо ответил Фой, - так он гораздо красивее.

Крий почувствовал, что он отчего-то печалиться, но его настроение тут же переменилось, и он начал болтать без умолку, рассказывая Крию все и обо всем. Он продолжал говорить, оказавшись вдруг на самом краю, опуская то одну, то другую ногу в темный обрыв, будто намереваясь шагнуть. Крий смотрел с беспокойством ему в спину, на светлые волосы, которые трепал вновь пробудившийся ветер.

- Эй. - сказал он резко, когда Фой действительно выглядел так, будто намеревался шагнуть в темную пропасть. Совсем темную, без фонариков. Фонарики были вдалеке, внизу была только тьма. – Не делай так, пожалуйста, можешь ведь упасть.

Фой повернулся, взглянул на взволнованного Крия и улыбнулся как-то совсем печально:

- Ты чего? Я ведь умею летать, ты сам видел.

*

Когда Крий проснулся дома утром следующего дня, первое, что он сделал – попытался вспомнить, как они попрощались с Фоем. Последним его воспоминанием было то, как он стоял на краю холма, с теплой улыбкой глядя на протянутую в страхе Крием руку. Он хотел, чтобы Фой ухватился за нее, чтобы немедленно отошел подальше от края, но никак не мог вспомнить, что за этим последовало. Как ни старался, он так же никак не мог вспомнить свой путь домой. Не помнил, как возвращался, и как ложился в постель. Все будто обрывалось на одном-единственном моменте.

Вчерашняя пасмурность ушла, не оставив после себя и следа. День был теплым и солнечным. Только вот Солнце это Крию отчего-то совсем не нравилось. Он не мог отделаться от навязчивого чувства его вопиющей неуместности, которое разливалось внутри горячей тревогой. Едва повторно не заблудившись, он наконец отыскал загадочную улицу, только вот у Ивовых деревьев не обнаружилось заветного циркового купола, глядящего шпилом в небо. На его месте стояла обыкновенная часовая мастерская, а ивовые деревья деревьями быть перестали, и превратились в старые ссохшиеся пеньки.

Крий почувствовал себя так, будто сердце его вынули из груди, пронзили цыганской иглой, и вернули на место. Отворив массивную дверь, он увидел старого часовщика, тихонько копающегося в механизме больших настенных часов. Подойдя к стойке, он спросил старика, нет ли здесь неподалеку цирка. Может быть от все-таки ошибся улицей.

- Цирка? – переспросил старец скрипучим голосом, поглядев на Крия из-под ярких стеклышек очков, - был, а то как же. Прямо вот на этом месте стоял. Только давно это было, я тогда еще совсем мальчишкой был, авось даже помладше тебя. Славный был цирк, все дети туда бегали, да и взрослым было в радость. Хорошо дела шли, да закрылся он после несчастного случая, семья у них там, говорят, была крепкая, другие артисты оправиться так и не смогли, и не выходили больше выступать.

- Что за несчастный случай? – спросил Крий, не узнавая собственного голоса.

- Все артисты там были очень талантливы, каждый по-своему, да вот только ни для кого не было секретом, что больше всего зрители любили мальчика на крылатых качелях. Порхал он на них, словно бабочка, волшебное было зрелище, как сейчас помню. Имя у него еще было такое необыкновенное...

- Фойдерабле, - тихо выдохнул Крий.

- Да, точно! – удивился старик. – Так вот однажды запутались его качели, он по обычаю взмыл вверх, коснулся ладонью звездочек под куполом, как всегда делал, да на качели не приземлился. Разбился, как хрустальная статуэтка. Меня тогда, благо, не было, да поговаривали, что все в зале будто дышать перестали, такая была тишина. И густая, хоть ножом режь. Это, конечно, стало трагедией. Чудесный был ребенок. Он для нас тогда был чем-то сродни ангелу.

Крий вышел на улицу и посмотрел вверх. Солнце пробивалось лучами сквозь осенние листья, подсвечивая их, как фонарики. Один ярко-желтый кленовый листочек плавно спикировал ему под ноги. Он осторожно поднял его и положил на ладонь.